

ТЕАТР

В УГОДУ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТИ

«Август»

в Театре имени
В. Ф. Комиссаржевской

«...В жизни каждого человека, вероятно, случается такой день и час, когда вдруг, остановившись, ты оглядываешься в раздумье на все прожитое, пройденное, сделанное тобой...». Этими словами центрального героя — журналиста Глебова начинается новый спектакль Театра имени В. Ф. Комиссаржевской «Август».

Итак, драматург А. Галич и театр (постановщик И. Олывангер, режиссер К. Грушницкая) решили, очевидно, рассказать нам о том, что побудило человека в пору его зрелости, когда первые седина, как первые признаки приближающейся осени, покрывают голову, пересмотреть свою жизнь, задуматься о прожитом и поразмыслить о будущем. И вот — субботний августовский вечер, проведенный Глебовым в обществе своего приятеля фотокорреспондента Пинегина и двух девушек, с которыми тот случайно познакомился у гостиницы «Метрополь». Все вместе они обедали в ресторане, были в театре, гуляли по Москве. Встреча эта закончилась в доме у Глебова.

Оригинальный, необычный сюжет всегда украшает пьесу. Однако оригинальность и оригинальность — далеко не одно и то же. Задавшись целью во что бы то ни стало заинтересовать зрителей, автор то и дело вынуждает персонажей пьесы совершать поступки, вовсе им не свойственные. В результате в угоду ложной занимательности создается неверное представление о героях.

Зачем, скажем, понадобилось автору заставлять Наташу и Любочку, очень милых девушек, окончивших медицинский институт и завтра уезжающих на работу, предложить незнакомым мужчинам провести с ними вечер, поехать на квартиру к Глебову? Что это — вызов обществу или нездоровое любопытство? Нет, автор эти поступки объясняет иначе — давно, еще в школе, Наташа писала сочинение о героях одной полярной экспедиции, среди которых был Глебов. И ей показалось очень заманчивым встретиться с ним накануне отъезда из Москвы. Но выясняется это только в конце спектакля. Сюжет пьесы построен так, что зрителю приходится гадать, привлечет Глебова знакомство с девушками, мало заботящимися о соблюдении приличий, или нет, кто эти девушки — порядочные люди или искательницы сомнительных приключений.

Вся первая часть воспринимается, как затянувшаяся прелюдия к основному действию, и лишь в конце пьесы драматург пытается оправдать поступки своих героев. К сожалению, сделать это сколько-нибудь убедительно ему не удалось. Все силы автора столь долго были направлены на сокрытие тайны легкомысленного поведения девушек, что на логическое обоснование поведения героев, раскрытие их внутрен-

него мира времени как-то не хватило.

Нерешенной осталась и другая тема — о становлении человеческого характера, о взаимном духовном обогащении советских людей, об эстафете поколений. Эта тема не прозвучала достаточно ясно, и поэтому не верится, что встреча с девушками могла стать в жизни Глебова той минутой, которая заставляет «оглядываться на все прожитое».

Ощущая недостаточную наполненность пьесы, режиссура спектакля направила внимание на то, чтобы восполнить этот пробел. Большинству картин придана выразительная сценическая форма, введение кинокадров из жизни столицы создало общий фон действия. Спектакль мизансценирован умно и правдиво. Именно поэтому в него диссонансом врываються написанные автором в чисто условной, ложно театральной манере эпизоды, когда девушки одновременно совершенно одинаковым движением вытаскивают из одинаковых сумочек одинаковые билеты и т. п.

Стремясь углубить содержание пьесы, режиссура «отяжелела» спектакль, внесла в него ту внешнюю значимость слов, поступков и пауз, для которых в пьесе нет оснований. Замедленно, утратив нужный ритм, идут сцены в ресторане (вторая половина картины), в театре и особенно на Ленинских горах.

Вероятно, жанр лирической комедии, в котором написана пьеса, предполагал более легкое, веселое прочтение, без излишних длиннот и поисков глубокого смысла там, где его нет, как это, например, происходит с назойливо повторяемым стихотворением о самолете. Может быть, тогда отдельные события и положения воспринимались бы проще, не задерживая на себе внимания, не вызывая ненужных ассоциаций и выводов.

Среди актерских работ в спектакле следует отметить, прежде всего, артистов Э. Попову и Б. Коковина, добившихся наиболее полного слияния с образами.

Наташа — Э. Попова и сурова, и проста, и требовательна, и сдержанна. Взрослая и строгая в своей юности, она удивительно привлекательна. Наиболее интересно проводит Э. Попова вторую часть, всячески стремясь восполнить недоста-

ток пьесы и насытить образ богатством переживаний и раздумий о жизни. Веселая и простенькая хохотушка Любочка (артистка Л. Белая), во всем ей послушная и верная, удачно дополняет образ Наташи.

Яркие и сочные краски сумел найти артист Б. Коковин для характеристики «дяди Коли Пинегина», этого откровенного пошляка и пьяника. Вместе с тем хочется отметить, что решение образа получилось несколько поверхностным.

И другие образы не нашли до конца четкого решения в спектакле, и это во многом обусловлено недостатками пьесы.

Заслуженному артисту РСФСР И. Дмитриеву пришлось проделать большую работу, чтобы с необходимой долей правдивости провести Глебова сквозь такие противоположные по внутреннему состоянию картины, как первая и последняя сцены с женой. Но все же его герою не хватает той человеческой широты, искренности, обаяния, которые сделали бы образ более значительным и интересным. В нем, может быть, подспудно, но должны биться кипучая энергия, влюбленность в жизнь, жажда серьезного дела — то самое, что сближает его с Наташей. Артист часто и по разным поводам подчеркивает раздражительность, утомленность Глебова, его недоверчивое и даже личное отношение к девушкам, в известной степени принижая этим образ.

Несколько замечаний хочется высказать и в адрес артистки А. Дельвиной (Таня, жена Глебова). Думается, что эта женщина не должна быть так зла и истерична в первой картине. Надо точнее вскрыть второй план образа — человеческое обаяние, душевное мужество, интеллект, которые ставят ее вровень с Глебовым и подготавливают для нас их примирение в финале.

Очень приятны светлые, лаконичные декорации (художник И. Беляцкий) и музыкальное оформление (композитор Н. Богословский), хотя музыки в спектакле, пожалуй, слишком много.

И все-таки спектакль в целом вызывает чувство неудовлетворенности нечеткостью, недосказанностью главных мыслей и тем, своей легковесностью. Более того, этот спектакль должен послужить уроком, еще раз напоминая театру, что любя, даже самая и яркая драматургическая форма, не подкрепленная состоятельностью проблемы и жанровой достоверностью сюжета, не может принести успеха.

Е. ВОЛОДАРСКАЯ